

Аврутина Аполлинария Сергеевна✉, Дармаева Оюн Бадмажаповна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
a.avrutina@spbu.ru

Синтаксические модели в агглютинативном языке (на материале корейского и турецкого языков)

Аннотация

В статье ставится задача провести типологический анализ синтаксической подсистемы двух современных агглютинативных языков – турецкого и корейского, – в частности, описать три типа их базовых моделей синтаксических структур, которые, согласно формальной логике, свойственны всем языкам мира: 1) копулятивную, 2) предикативную, 3) разновидности атрибутивной. Эти типы синтаксических моделей были подробно проанализированы в трудах Г. П. Мельникова, а вслед за ним – В. Г. Гузева применительно к тюркским языкам. Применительно к корейскому языку, несмотря на типологическое сходство с тюркскими языками, подобного описания до настоящего времени не проводилось. Анализ специальной литературы показывает, что корейский синтаксический терминологический аппарат разработан слабо. Авторы статьи берут за основу турецкий синтаксический терминологический аппарат, разработанный В. Г. Гузевым, в силу очевидной взаимосвязи обоих языков, которая представлена в статье. Сравнительный анализ показал, что в целом синтаксические структуры корейского и турецкого языков демонстрируют типологическое сходство с некоторыми отличиями. Выявлены следующие сходства: во-первых, одинаковый порядок следования компонентов атрибутивных конструкций; во-вторых, высокая производительность компонентов конструкций, вводимых глагольно-именными формами; в-третьих, лексически выражаемый синтаксический субъект обычно предшествует лексически выражаемому синтаксическому предикату. Немало различий касается категории причастия. Кроме того, в корейском языке, в отличие от турецкого, есть морфологические способы маркирования темы и ремы. Продemonстрировано, что предложенная модель синтаксического описания продуктивна для корейского языка, что открывает пути для исследования данного языка как языка агглютинативного.

Ключевые слова: агглютинативный язык, синтаксис, модель синтаксической структуры, корейский язык, турецкий язык

© Аврутина А. С., Дармаева О. Б. 2022

Для цитирования: Аврутина А. С., Дармаева О. Б. Синтаксические модели в агглютинативном языке (на материале корейского и турецкого языков) // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2022. Вып. 8, № 1. С. 5–19. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_5

Apollinaria S. Avrutina✉, Oyun B. Darmaeva
St Petersburg State University
St Petersburg, Russian Federation
a.avrutina@spbu.ru

Syntactic models in the agglutinative language (Based on Korean and Turkish)

Abstract

The article aims to perform a typological analysis of the syntactic subsystem of 2 modern agglutinative languages: Turkish and Korean, in particular, to describe three types of their basic patterns of syntactic structures, which, according to formal logic, are characteristic of all languages of the world: (i) copulative,

(ii) predicative, (iii) attributive (in its varieties). These patterns were analyzed in detail in the works of G. P. Melnikov, and after him – V. G. Guzev in relation to the Turkic languages. With regard to Korean, despite typological similarity with Turkic languages, such a description has not yet been made. Specialized literature analysis shows that the Korean syntactic terminological apparatus is poorly developed. We take the Turkish syntactic terminological apparatus developed by Prof. V. G. Guzev as a framework due to obvious syntactic similarity of the two languages as presented in the article. A comparative analysis carried out in this study has shown that generally, syntactic structures in Korean and Turkish demonstrate typological similarities with some language-specific differences. The following similarities were discovered: first, similar word order in attributive patterns, second, high productivity of pattern components introduced by verbal-nominal forms, third, lexically expressed syntactical subject usually placed before lexically expressed syntactical predicate. Many differences were found for the category of Participle. Furthermore, in Korean, unlike in Turkish, there are morphological means to mark Theme and Rheme. We believe that the proposed model of syntactic description is productive for Korean, and this opens a new way to study it as an agglutinative language.

Keywords: languages of agglutinative type, syntax, syntactic structural pattern, Korean language, Turkish language

© Avrutina A. S., Darmaeva O. B. 2022

For citation: Avrutina, A. S., Darmaeva, O. B. (2022). Sintaksicheskie modeli v agglutinativnom yazyke (na materiale koreyskogo i turetskogo yazykov) [Syntactic models in the agglutinative language (Based on Korean and Turkish)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 5–19. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_5

1. Введение [Introduction]

В научной литературе распространено традиционное понимание синтаксиса как части грамматики, объектом изучения которой является словосочетание и предложение, а также изучение способов соединения слов, словосочетаний, предложений, иными словами, изучение типов словосочетаний и типов предложений [Гаджиева, 1973, с. 53]. Такой подход является несколько устаревшим и уже неоднократно критиковался (см., напр., [Бодуэн де Куртенэ, 2017; Кацнельсон, 1986; Пешковский, 1959] и многих других). Однако не следует забывать и о синтаксисе, который является подсистемой языка, и тогда эта подсистема включает в себя: 1) внутриязыковые соответствия фигурирующих в речи слов и словоформ, представляющие собой синтаксический инвентарь, строительный материал, для речевых знаковых цепочек необходимой коммуниканту протяжённости, лишь воспроизводимые при порождении речи; 2) правила линейного расположения слов и словоформ в речи, представляющих собой разновидности знаков; 3) абстрактные модели, структуры всевозможных типов высказываний, больших, чем одно слово, сложившиеся в психике человека; 4) отвлечённые образы функций, в которых выступают знаменательные (автосемантические) слова в качестве компонентов высказываний (лексический субъект – лексический предикат, подлежащее – сказуемое, определение – определяемое, дополнение – дополняемое, обстоятельство – обстоятельственное уточняемое) [Гузов, Аврутина, 2013, с. 6].

Словосочетание, согласно распространённому в синтаксической литературе определению, понимается как соединение двух или более самостоятельных лексем, связанных по смыслу и грамматически [ЛЭС, 2002, с. 469], однако большинство исследователей игнорирует тот факт, что словосочетание, будучи единицей синтаксиса, представляет собой синтаксическую конструкцию. В научных работах, посвящённых структуре агглютинативных языков, был распространён подход, согласно которому словосочетание воспринималось исключительно как строительный материал для предложений, а кроме того, толковалось и рассматривалось в отрыве от общих синтаксических структур языка.

Во всех языках мира имеются всего лишь три типа наиболее общих синтаксических структур [Формальная логика, 1977, с. 20]: 1) копулятивная структура, которая в

речи реализуется как конструкция, состоящая из перечисляемых единиц; 2) двучленная предикативная структура, реализуемая в речи как конструкция, один компонент которой называет предмет мысли – субъект, другой – то, что сообщается, утверждается о предмете мысли, – предикат; 3) атрибутивная структура, один компонент которой представляет собой уточняемое (определяемое, дополняемое или обстоятельственное уточняемое), а другой – уточняющее (определение, дополнение или обстоятельство). В свою очередь атрибутивная структура распадается на три разновидности: 1) определительная структура, которая в речи реализуется конструкциями типа *белая дверь*; 2) дополнительная структура, на основе которой в речи формируются конструкции типа *читаю книгу*; 3) обстоятельственная структура, которая может реализовываться в конструкциях типа *поговорим завтра* [Гузов, Аврутина, 2013, с. 71].

Материал агглютинативных языков, а именно взятых в данной статье за основу корейского и турецкого, демонстрирует важнейшую строевую особенность: если в области копулятивных и предикативных конструкций указанные языки ничем не отличаются от привычных читателю индоевропейских языков, то в области атрибутивных конструкций рассматриваемый материал демонстрирует важное явление: каждый компонент такой конструкции располагается перед компонентом или словосочетанием, от которых он семантически либо грамматически зависит, иными словами, зависимый компонент предшествует главному [Гузов, 2015, с. 260] или, согласно терминологии Г. П. Мельникова, уточняющий компонент предшествует уточняемому [Мельников, 1969, с. 104–113]. Это правило настолько тотально, что полностью определяет структуру агглютинативного предложения в целом, что и будет показано в данной статье.

В качестве материала для исследования в статье были взяты два агглютинативных языка: турецкий и корейский. Источниками материала послужили два художественных произведения на турецком языке (1987 и 2004 гг. издания) и три художественных произведения на корейском языке (2009 и 2017 гг. издания). Выбор именно этих произведений обусловлен их популярностью и массовым вниманием турецких и корейских читателей соответственно. Из этих произведений методом сплошной выборки вручную было отобрано по 40 типичных реализаций интересующих синтаксических структур для корейского и турецкого языков для иллюстрации данных структур.

Кроме этого, была использована речь одного информанта – носителя стандартного варианта корейского языка (мужчина 28 лет, высшее образование, время записи сентябрь–октябрь 2021 года, объём записи 30 минут) и одного информанта – носителя турецкого языка с аналогичными социальными параметрами и объёмом записи.

Анализ специальной литературы демонстрирует, во-первых, некоторый разноречивый в описании корейского синтаксиса, хотя в европейском, турецком и корейском языкознании некоторое количество сравнительных исследований турецкого и корейского языка уже проводилось; во-вторых, что корейский синтаксический терминологический аппарат разработан слабо. Для преодоления указанных проблем авторы статьи в порядке эксперимента взяли за основу турецкий синтаксический терминологический аппарат, разработанный В. Г. Гузовым, и применили его к корейскому материалу.

2. Копулятивная, предикативная и атрибутивная модели в корейском и турецком языках [Copulative, predicative and attributive patterns in Korean and Turkish]

2.1. Копулятивная модель [Copulative pattern]

Копулятивная модель представляет собой перечисление синтаксически равноправных единиц. Они могут употребляться как в функции развёрнутых компонентов других конструкций, так и в роли самостоятельных высказываний. Примеры:

벽은 주기율표, 세계지도 목걸, 인간 해부도 같은 것들로 장식돼 있었다 [Ким, 2017, с. 219] *Byeog-eun* 'стена' *jugiyulpyo* 'таблица Менделеева', *segyejido* 'карта мира', *mokkeom* 'деревянный меч', *ingan haebudo* 'карта анатомии человека' *gat-eun geotteul-lo jangsiktwaе iss-eot-ta* – 'Стену украшали таблица Менделеева, карта мира, деревянный меч и карта анатомии человека'.

Для сравнения, в турецком языке то же предложение выглядит таким образом: *Duvar* 'стена', *Mendeleev adına periyodik tablo* 'таблица Менделеева', *dünya haritası* 'карта мира', *tahta kılıç* 'деревянный меч' *ve insan anatomisi haritası* 'карта анатомии человека' *ile süslenmiştir* (Информант, сентябрь 2021).

얼굴의 표정, 제스처, 자세 등 중요한 의미를 갖게 되다 [Ан, 2009, с. 149] *Eolgul-eui pyojeong* 'выражение лица', *jeseuchyueo* 'жесты', *jase* 'позы' *deung* 'и т.д.' *jungyohan euimi-reul gatke doeda* 'обладают очень важным смыслом' – 'Выражение лица, жесты, поза – всё это очень важные знаки'.

Yüz ifadeleri 'выражение лица', *jestler* 'жесты', *duruşlar* 'позы' *vb.* 'и т.д.' *önemli anlamlara sahiptir* 'обладают очень важным смыслом (pl)'.

Кроме того, в корейском языке соединительный аффикс -고 *go* часто выполняет функцию соединительной формы в ряду однородных членов предложения. Пример:

푸르고 노르고 붉은 꽃이 *Pureu-go* 'синий' *noreu-go* 'желтый' *bulg-eun* 'красный' *kkoch-i* 'цветок' – 'Синий, жёлтый и красный цветок' [Мазур, 2001, с. 127]. Для сравнения, в турецком языке при создании копулятивной конструкции подобный аффикс отсутствует: *Mavi* 'синий', *sarэ* 'желтый', *kэrmэzэ* 'красный' *zizek* 'цветок'.

В то же время в турецком языке существует послелог «ile» 'с', который и передает связку. Примеры:

Fatih 'Фатих' *Sevgi ile (Sevgi'yle)* 'и Севги, с Севги' *evleniyor* 'женятся' (Информант, сентябрь 2021) – 'Фатих и Севги женятся'

Türkiye ile (Türkiye'yle) 'Турция и' *Rusya* 'Россия' *arasında* 'между ними – послелог' *iyi* 'хороший' *ilişkiler* 'отношения' *var* 'есть' (Информант, сентябрь 2021) – 'У Турции и России хорошие отношения / Турция и Россия имеют хорошие отношения'.

В корейском языке есть схожая с «ile» форма и она известна как совместный падеж. Признаком совместного падежа являются параллельные окончания –과/와 *gwa/wa* и вариант в разговорной речи –랑/이랑 *rang/irang*. Совместный падеж служит для связи двух однородных имен.

파티흐는 세브기와 결혼한다 *Patiheu-neun* 'Фатих' *sebeugi-wa* 'с Севги' *gyeorhonhandа* 'жениться' – 'Фатих и Севги женятся'.

터키와 러시아 사이에는 좋은 관계가 있다 *Teoki-wa* 'Турция и' *leosia* 'Россия' *sai-e-neun* 'между' *joeun* 'хороший' *gwangye-ga* 'отношения' *itta* 'есть' – 'У Турции и России хорошие отношения (Турция и Россия имеют хорошие отношения)'.

2.2. Предикативная модель [Predicative pattern]

Предикативная модель представляет собой реализацию логического суждения, выражающего какой-либо конкретный смысл. Модель может быть представлена следующей формулой: синтаксический субъект – синтаксический предикат. Функциональное предназначение предикативной модели – это внесение в сознание коммуниканта той или иной степени изменения предмета мысли (субъекта), это «акт выведения нового знания из наличного» [Мельников, 2003, с. 139].

Синтаксический субъект понимается как такой компонент предикативной конструкции в речи, который лексически представляет предмет мысли, субъект выражаемого конструкцией логического суждения. Синтаксический предикат – компонент конструкции, который лексически называет предикат логического суждения [Там же].

Значение предикативной синтаксической формы можно себе представить как «явление+сообщение о нём». Например:

나는 책을 읽어요 *Na-neun 'я' / chaeg-eul 'книгу' ilgeooyo 'читать' – 'Я / читаю книгу'.*

Ben 'я' / kitabı 'книгу' okuyorum 'читать' – 'Я / читаю книгу'.

В турецком языке субъект может быть опущен в контексте реализации закона экономики усилий, впервые сформулированного А. Мартине [Мартине, 1960], тогда субъект будет выражен личной финитной формой глагола, в то время как в корейском языке субъект может быть опущен, но при этом ни один грамматический показатель в предложении его не заменяет, и смысл в таком случае становится ясен по контексту. Например:

Fatih 'Фатих', / bu 'эту' kitabı 'книгу' on '10' yıl 'лет' önce 'назад' okudu 'прочитал' – 'Фатих / читал эту книгу 10 лет назад' (Информант, сентябрь 2021).

*파티흐는/ 십년 전에 그 책을 읽은 적이 있다 *Patiheu-neun 'Фатих' / simnyeon '10 лет' jeon-e 'назад' geu 'эту' chaeg-eul 'книгу' ilgeun jeog-i itta 'прочитать' – 'Фатих / читал эту книгу 10 лет назад'.**

Компоненты предикативной модели можно связывать с логическими понятиями субъекта и предиката как с основными членами суждения, независимо от того, является ли этот логический субъект деятелем, или же это некоторый иной компонент ситуации, описываемой суждением, например, обстоятельство, объект, подвергнутый воздействию, адресат и т. п. Но ещё точнее природа компонентов, на которые расчленяется словопредложение, раскрывается терминами «тема» и «рема» [Мельников, 2000, с. 42].

Концепция о соответствии актуального членения предложения структуре логического суждения получила развитие в теории о логико-грамматическом членении предложения [Панфилов, 1963] – о выражении различными синтаксическими средствами языка (не именно членами предложения) логических субъекта (темы) и предиката (ремы). К этой концепции примыкает и В. Матезиус [Матезиус, 1967, с. 239–245], отождествляющий тему (основу) и ремю (ядро) с психологическим (логическим) субъектом и предикатом [ЛЭС, 2002, с. 23].

Рема содержит главную (новую) информацию и имеет наибольшую степень коммуникативного динамизма, тема содержит второстепенную информацию и обладает наименьшей степенью коммуникативного динамизма, полнота информации создаётся динамическим сочетанием ремы и темы. По мнению А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова и других [ЛЭС, 2002, с. 410], рема соответствует логическому предикату суждения, а тема соответствует логическому субъекту суждения.

В некоторых языках слово, отвечающее теме, имеет специальные формальные способы выражения, в других – формально выражает категории тема-рематического членения, в-третьих, эти возможности каким-то образом сочетаются. В языках существует не менее четырёх способов маркирования темы: позиционный, грамматический, лексический и фонетический способы. Первый и последний из них являются универсальными [Ягунова, 2007, с. 36].

Корейский язык относится к такому типу, где тема маркируется грамматическим способом с помощью модификатора *-은/는 eun/neun*, основное назначение которого состоит в указании на отнесённость оформляемого им члена предложения (в большинстве случаев – тематического подлежащего) к исходной части сообщения, т. е. к теме. Также модификатор используется для выделения, подчёркивания, привлечения внимания к имени (существительному, местоимению, числительному) или словосочетанию, называющему предмет последующей речи или мысли. В простом предложении посредством этого модификатора может быть выражено противопоставление или контраст. В сложносочинённом предложении основное назначение модификатора также состоит в указании на противопоставление, контраст, а в сложноподчинённом предложении – в выделении и отграничении подлежащего

главного предложения от подлежащего придаточного предложения (или подлежащих придаточных предложений) [Мазур, 2001, с. 111].

Модификатор $-\text{은/는 } eun/neun$ используется когда субъект уже известен собеседнику и упоминался ранее (тема), тогда как падежный показатель $-\text{이/가 } i/ga$ используется когда поступает новая информация (рема). Примеры:

1. 연필이 책상 위에 있어요 *Yeonpir-i 'карандаш' chaeksang 'стол' wi-e 'на' iss-eoyo 'быть' – 'Карандаш на столе'*. В этом примере падежный показатель $-\text{이/가 } i/ga$ сообщает нам, что на столе есть некий карандаш и мы не владем какой-либо информацией о данном карандаше кроме этой. Ситуация: мы сообщаем собеседнику, что если он пойдёт в соседнюю комнату, то там будет лежать карандаш на столе. Собеседник не знает об этом карандаше, вы вводите новую информацию для него. Если в данном примере заменить падежный показатель $-\text{이/가 } i/ga$ и использовать модификатор $-\text{은/는 } (-eun/-neun)$, то мы получим следующее:

2. 연필은 책상 위에 있어요 *Yeonpir-eun 'карандаш' chaeksang 'стол' wi-e 'на' isseoyo 'быть' – 'Карандаш на столе'*. В этом случае ситуация такова, что данный карандаш уже упоминался в речи и мы конкретно знаем о каком карандаше идёт речь (и собеседник и слушатель). Данный пример может быть вариантом ответа на вопрос «Где тот (конкретный) карандаш?».

Модификатор $-\text{은/는 } eun/neun$ кроме обозначения темы предложения имеет дополнительную функцию смещать фокус внимания на предикат, и так как он используется, когда у нас уже есть информация о субъекте (тема), и, как уже упоминалось выше, тема содержит второстепенную информацию и обладает наименьшей степенью коммуникативного динамизма, а следовательно акцент падает на предикат.

Рассмотрим примеры:

1. 영희는 1등 했어요 *Yeonghi-neun 'Ёнхи' 1 deung '1 место' haesseoyo 'сделать' – 'Ёнхи заняла первое место'*. В этом примере фокус падает на то, что Ёнхи (которую мы уже знаем) заняла первое место, то есть в этом примере важен предикат, а значит вопросом к примеру был бы «Какое место заняла Ёнхи?».

2. 영희가 1등 했어요 *Yeonghi-ga 'Ёнхи' 1 deung '1 место' haesseoyo 'сделать' – 'Ёнхи заняла первое место'*. В этом случае акцент падает на субъект, нам важна информация «кто» занял первое место.

Для сравнения, в турецком языке подобный грамматический показатель отсутствует, как отсутствуют и специальные показатели для выражения темы и ремы высказывания: по сути, в турецком языке тема и рема высказывания определяются порядком слов [Юхансон, 1987].

2.3. Атрибутивная модель [Attributive pattern]

Атрибутивная модель – это такая модель, один компонент которой представляет собой уточняемое (определяемое, дополняемое или обстоятельственное уточняемое), а другой – уточняющее (определение, дополнение или обстоятельство).

Атрибутивная модель бывает трёх типов: а) определительная, которая в речи порождает конструкции типа *kırmızı elma* 'красное яблоко'; б) дополнительная, на основе которой в речи формируются конструкции типа *kitab(i) okuyor* 'читает книгу'; в) обстоятельственная, которая может воплотиться, например, в конструкцию *yarın geleceğim* 'приду завтра'.

Одна из важнейших синтаксических строевых особенностей любого агглютинативного языка, заключается в том, что в обычной речи, в которой не используются особые стилистические приёмы, порядок компонентов конструкций обыкновенно следует единственному и универсальному правилу: каждый компонент располагается перед

компонентом или словосочетанием, от которого он семантически или грамматически зависит. Иными словами, нормальным, естественным, исконным порядком следования компонентов всех атрибутивных, т. е. определительных, дополнительных и обстоятельственных конструкций, является следующий: второстепенный, зависимый компонент предшествует главному, независимому компоненту. Соответственно, дополнение предшествует дополняемому, а обстоятельство – своему уточняемому признаку.

Представляется целесообразным дать определение каждой разновидности атрибутивных синтаксических моделей (определятельных, дополнительных, обстоятельственных), и каждому их компоненту.

Определятельные синтаксические модели – форма, в которой отражена и обобщена связь предмета или действия с приписываемым ему или констатируемым у него признаком. Формирующаяся в языковой системе путём отвлечения от разнообразных конкретных определятельных конструкций в речи типа *kara bulut* 'чёрная туча', *çabuk koştak* 'быстро бежать', эта форма может быть предварительно представлена в виде единства двух её компонентов – абстрактных образов: определение (признак) + определяемое (обладатель признака) [Гузов, Аврутина, 2013, с. 30].

Определяемое – один из двух находящихся в определятельном отношении компонентов конструкции, который является главным, господствующим; он называет обладателя признака, т. е. предмет или действие, которому принадлежит или приписывается признак, выражаемый компонентом-определением.

Определение – один из двух находящихся в атрибутивных отношениях компонентов конструкции, являющийся подчинённым, зависимым и называющий тот признак, которым обладает предмет или действие, выражаемое главным компонентом синтаксической формы.

1. 하얀 조약돌 *hayan* 'белый' *joyaktol* 'галька' – 'белая галька'.

Для сравнения, данное словосочетание на турецком языке: *Be Yaz* 'белый' *çakıl* 'галька'.

2. 작은 *jageun* 'маленькая' 여인 *yeoin* 'женщина' – 'крохотная женщина'.

На турецком языке: *Ufak tefek* 'крохотная' *bir* 'неопределённый артикль' *kadın* 'женщина'.

Функционирование в качестве определений – специализация прилагательных (как в примерах выше), ряда субстантивных падежных и глагольных именных форм и определятельных субстантивных конструкций (в тюркологии – изафет).

Причастия в функции определения в корейском языке и турецкие глагольные именные формы с аналогичным функционалом (Субстантивно-адъективные формы) [Participles as attributes in Korean and Turkish verbal-substantive forms performing the same function (Substantive-adjective forms)]. В турецком языке существует три формы причастий, которые представляют собой именные формы глагола, объединённые общим значением представления действия, называемого основой, в образе признака. Особенностью турецких причастий является агентивная сема, которая сигнализирует, что носитель признака является производителем действия, которое представлено в виде признака [Гузов, 2015, с. 159].

В то же время, отдельно следует сказать о том, что в турецком языке существует особая категория именных глагольных форм – субстантивно-адъективные формы (САФ). В традиционной тюркологической литературе их нередко именуют «причастиями», однако от причастий они существенно отличаются, во-первых, наличием темпоральных сем, а во-вторых, способностью представлять действие не только в качестве признака, но и «опредмечивать» его, представлять в качестве предмета [Гузов, 2015, с. 161].

В данном исследовании эти турецкие формы, которые мы не считаем причастиями, упоминаются в разделе, посвящённом причастиям, только для того, чтобы показать их типологическое сходство с подобными формами в корейском языке, которые в корейском языкознании традиционно именуются «причастиями». В связи с этим, представляется необходимым пересмотреть принятую в корейском языкознании терминологию, и применить понятие «субстантивно-адъективная форма» (САФ) к корейскому материалу. Тем не менее, в силу сложившейся в специальной корееведческой литературе традиции, ниже мы будем именовать рассматриваемую форму «причастием».

В корейском языке причастие имеет два значения: указание на зависимость предикатива от имени и выражение времени совершения действия или признака, обозначенного причастием. Есть причастия настоящего, прошедшего и будущего времени –*는neun*, –*ㄴ/은 n/eun*, –*을/을l/eul* соответственно. Время причастия является относительным и соотносится не с моментом речи, а с временем совершения другого действия или наличия другого признака [Мазур, 2001, с. 143–147].

Причастие настоящего времени: 이것은 니나가 공부하는 대학입니다 *Igeos-eun* 'это' *nina-ga* 'Нина' *gongbuhaneun* 'учиться+причас.наст.в' *daehag-imnida* 'университет' – 'Это университет, в котором **учится** Нина'.

В турецком языке подобное предложение образуется с помощью субстантивно-адъективной (именной) глагольной формы (САФ):

İşte 'это' *Nina'nın* 'Нина в род. пад.' *okuduğu* 'учиться + САФ наст.вр.+ афф. прин' *üniversite* 'университет'.

Причастие прошедшего времени: 이것은 니나가 공부한 대학입니다 *Igeos-eun* 'это' *nina-ga* 'Нина' *gongbuhān* 'учиться+причас.пр.в' *daehag-imnida* 'университет' – 'Это университет, в котором **училась** Нина'.

В турецком языке подобное предложение образуется с помощью субстантивно-адъективной (именной) глагольной формы (САФ):

İşte 'это' *Nina'nın* 'Нина в род. пад.' *okuduğu* 'учиться + САФ пр.вр.+ афф. прин' *üniversite* 'университет' 'САФ с показателем –*dik* обладает семой как прошедшего времени, так и настоящего'.

Причастие будущего времени: 이것은 니나가 공부할 대학입니다 *Igeos-eun* 'это' *nina-ga* 'Нина' *gongbuhāl* 'учиться+причас.буд.в' *daehag-imnida* 'университет'. – 'Это университет, в котором **будет учиться** Нина'.

В турецком языке подобное предложение образуется с помощью субстантивно-адъективной глагольной формы (САФ) с семой будущего времени:

İşte 'это' *Nina'nın* 'Нина в род. пад.' *okuyacağı* 'учиться + САФ буд.вр.+ афф. прин' *üniversite* 'университет'.

Причастие может выступать либо в функции определения, либо в сочетании со служебным именем и связкой (–*것geos*) в функции сказуемого дополнительной предикатемы, однако проблема функции причастия в качестве сказуемого выходит за рамки темы данной статьи.

Разновидность определительной конструкции: изафет (определительная субстантивная конструкция) в корейском и турецком языках [Attributive sub-pattern: Isaphet (Attributive substantive variety) in Korean and Turkish]. Одной из отличительных особенностей синтаксиса агглютинативных языков является чрезвычайно высокая степень использования определительных конструкций, состоящих из имён существительных. Конструкции, в которых в функции и определяемого, и определения выступают существительные, называются определительными субстантивными конструкциями, в тюркологии – это изафет. В турецком языке три формы изафета:

И з а ф е т I – форма (безаффиксного) изафета, представляющая собой сочетание двух неаффигированных существительных, от значения первого из которых (определения) отвлекается относительный признак, например, материал, из которого состоит предмет, называемый вторым существительным (определяемым), его форма, пространственное соположение и прочее. Например:

fötr şapka 'фетровая шляпа', *taş köprü* 'каменный мост',
tahta masa 'деревянный стол', *oyuncak kayık* 'игрушечная лодка',
erkek sincap 'белка-самец'

Изафет II – форма, являющаяся определительным сочетанием двух существительных с аффиксом принадлежности 3-го лица у определяемого (одноаффиксный изафет), служащая средством выражения широчайшего спектра относительных признаков, отвлекаемых от значения компонента-определения: *kadın şapkası* 'женская шляпа', *ayak sesi* 'звук шагов', *uyku ilacı* 'средство для сна, снотворное' и т. д. [Майзель, 1957, с. 30–43].

Представляется, что правильнее считать, что этот аффикс выполняет формально-грамматическую функцию, т. е. функцию формального признака изафета II, и его притяжательное значение вполне пригодно для передачи самых разнообразных связей в качестве смыслов. Подобное использование притяжательного значения «не по назначению», т. е. далёкого от принадлежности смысла, наблюдается во многих языках мира. Примеры:

1. *Yer altı çarşısı* (Стамбул, Аксарай, надпись у входа в рынок) – 'Торговые ларьки в подземном переходе'.

2. *Ellerinin arasında pırıl pırıl parlayan, portakal büyüklüğünde, top gibi bir cevher duruyordu* [Öngören, 1983, с. 19] – 'В его руках находился похожий на мяч ярко сияющий драгоценный камень величиной с персик'.

Именно безаффиксный и одноаффиксный изафеты освобождают тюркские языки от структурной потребности в относительных прилагательных.

Изафет III – модели, которые реализуются в речи как конструкции, представляющие собой определительное именное сочетание с существительным или местоимением в функции определения в родительном падеже и с существительным-определяемым, наделённым аффиксом принадлежности одного из трёх лиц (двухаффиксный изафет), служащее средством выражения связи между предметами, которую говорящий считает притяжательной и, следовательно, как можно полагать, имеет грамматическое значение «обладатель + предмет обладания»: *kadının şapkası* 'шляпка женщины', *ilmin faydası* 'польза науки', *aşkın kuvveti* 'сила любви' [Майзель, 1957, с. 24–30].

1. *Çocuk+lar+ın baş+ı* [Öngören, 1983, с. 9] – 'Предводитель детей';

2. *Kuyu+nun dib+in+de ışık+ın kaynağ+ın+ı gördüler* [Öngören, 1983, с. 10] – 'На дне колодца они увидели источник света';

3. *Yıl+ın son gün+ü+ydü* [Nesin, 2004, с. 85] – 'Был последний день года'.

В сравнении с турецким языком в корейском тоже можно выделить несколько типов определительных конструкций, подобных турецкому изафету:

1. Определительная конструкция «существительное 1 + существительное 2», где существительные внутренне связаны определительными отношениями, без каких-либо внешних показателей (аффиксов).

전통 음식 *jeontong* 'традиция' *eumsik* 'пища' – 'традиционная еда';

대학생 기숙사 *daehaksaeng* 'студент' *gisuksa* 'общежитие' – 'студенческое общежитие';

러시아 *reosia* 'Россия' 겨울 *gyeoul* 'зима' – 'русская зима'.

2. Определительная конструкция «существительное 1 + род.п. + существительное 2», где существительное или местоимение в функции определения в родительном падеже связано с существительным-определяемым.

Показателем родительного падежа в корейском языке является одновариантное окончание -의 *eui*.

나의 책 *na+eui* 'я+род.п' *chaek* 'книга' – 'моя книга'

뉴욕의 여름 날씨 *nyuyog+eui* 'Нью-Йорк+род.п' *yeoreum* 'лето' *nalssi* 'погода' – 'Нью-Йоркская летняя погода'.

3. Определительная конструкция «с у щ е с т в и т е л ь н о е 1 + 적 *jeog* + с у щ е с т в и т е л ь н о е 2». В корейском языке образуются так называемые неспрягаемые прилагательные от основ имён китайского происхождения с помощью морфемы -적 *jeok*, которая служит показателем определения. Морфема -적 *jeok*, происходит из китайского 的 *de*, которая в свою очередь служит показателем притяжения и также участвует в создании определительных отношений. В корейском языке данная морфема присоединяется к существительному даёт ему значение «относящееся к этому существительному, обладающее его свойствами». Например:

사회 *sahoe* 'общество' – 사회적 *sahoe+jeok* 'общественный';

정치 *jeongchi* 'политика' – 정치적 *jeongchi+jeok* 'политический'.

Формально прилагательные на -적 *jeok* характеризуются отсутствием категорий сказуемости, времени и прочих категорий, свойственных предикативам. В предложении такие прилагательные выступают, как правило в роли определения к имени. Например:

고전 *gojeon* 'классика';

고전적 대학교 *gojeon+jeok* 'классический' *daehakkyo* 'университет' – 'классический университет'.

В позиции определения такое прилагательное может сопровождаться определительной формой связки -인 *in*, то есть используется связка -이다 *ida* и определительная форма -ㄴ *n*. Например:

고전적인 대학교 *gojeon+jeog+in* 'классический' *daehaggyo* 'университет' – 'классический университет'.

Связка в этом случае уточняет определительную функцию прилагательного. Как и в случае с обычными прилагательными, однородные члены сопровождаются связкой -며 *myeo* и -고 *go*:

정치적이고 사회적인 활동 *Jeongchi+jeog+igo* 'политическая и' *sahoe+jeog+in* 'общественная' *hwaldong* 'деятельность' – 'Политическая и общественная деятельность'.

Дополнительные синтаксические модели [Attributive syntactic patterns]. Это такая разновидность атрибутивных синтаксических моделей, которая состоит из двух компонентов – дополняемого и дополнения и служит средством выражения связи какого-либо действия, признака или предмета с каким-либо предметом и, предположительно, обладает значением типа «предмет связан с действием, признаком или предметом» [Гузов, Аврутина, 2013, с. 44].

Д о п о л н я е м о е – главный компонент модели, который представляет собой образ действия, признака или предмета, уточняемых говорящим путём указания на их связь с каким либо предметом. В речи в функции дополняемого чаще всего фигурирует глагол, а также другие знаменательные слова (глаголы, существительные, числительные, местоимения, субстантивные формы глагола, прилагательные), способные выполнять эту функцию.

Д о п о л н е н и е – подчинённый, зависимый компонент модели, обобщенный образ предмета, посредством указания на связь с которым характеризуется, уточняется действие, признак или предмет, являющиеся главным компонентом синтаксической формы. Принято различать прямые и косвенные дополнения.

Прямое дополнение, как правило, сигнализирует о том, что предмет или воспринятое как предмет явление трактуется говорящим как объект прямого, непосредственного, прямого воздействия:

Kitab-ı 'книгу' *okudum* 'читал' – 'Я читал книгу'.

책을 읽었다 *Chaeg-eul* 'книгу' *ilgeottda* 'читал' – 'Я читал книгу'.

Косвенное дополнение сигнализирует о том, что предмет истолкован говорящим или как объект какого-либо непрямого, опосредованного воздействия:

Öğretmene sordum – '(Я) спросил у преподавателя'

선생님께 질문했습니다 *Seonsaengnimkke* 'у преподавателя' *jilmunhaesseumnida* 'спрашивать' – '(Я) спросил у преподавателя',
или как вторичный объект:

Ben bu kitabı kardeşime aldım – 'Я купил эту книгу моему брату'

나는 동생에게 이 책을 사주었다 *Naneun 'я' dongsaeng-ege* 'брату' *i 'эту' chaeg-eul* 'книгу' *sajueotta* 'покупать для' – 'Я купил эту книгу моему брату',
или как участник иной косвенной связи: *yardıma muhtaç*, 도움이 필요한 *doumi* 'помощь' *piyohan* 'нужный' – 'нуждающийся в помощи'.

Обстоятельственная синтаксическая модель [Adverbial syntactic pattern].

Это разновидность атрибутивной формы, которая состоит из обстоятельного уточняемого и обстоятельства. Значение этой формы сигнализирует о том, что какое-либо явление (чаще всего действие) связано с другим сопутствующим ему и тем самым каким-либо образом характеризующим, уточняющим его явлением.

Обстоятельное уточняемое – главный компонент модели, абстрактный образ события, которое уточняется путём указания на связь с сопутствующим ему обстоятельством. Чаще всего в функции уточняемого выступает глагол: *Dün geldim* 'Я приехал вчера'.

Обстоятельство, или обстоятельное уточнение – подчинённый, зависимый компонент модели, называющий то или иное событие, явление (время, место, условие, цель, причину, объект количественного сопоставления и т. п.), сопутствующее главному событию.

Обстоятельные модели в турецком языке широко представлены либо различными деепричастиями, либо конструкциями на базе деепричастий, субстантивно-адъективных и залоговых форм с различными значениями: обстоятельства образа действия, причины, цели и многих других. В. Г. Гузев под деепричастием в первую очередь понимал глагольную форму, означающую действие, воспринимаемое как обстоятельство. Турецкая категория деепричастий содержит в себе более 60 глагольных форм [Гузов, 2015, с. 173–175].

Обстоятельные модели в корейском языке также представлены множеством разнообразных грамматических форм. Однако, как и в турецком языке, в корейском обстоятельные модели представлены также деепричастиями и конструкциями с различными обстоятельными значениями на основе деепричастий либо иных форм – условно назовём их субстантивно-адъективными.

Полного списка корейских грамматических форм с обстоятельным значением на сегодняшний день нет, в отличие от турецкого языка (см. [Дениз-Йылмаз, 2006]). Далее рассмотрим некоторые примеры:

Модели со значением причины

제대 안 했으니까 당연히 군대에 있지 [Ким, 2017, с. 12]. *Jedae* 'демобилизация' *an* 'отр.' *haess-eunikka* 'делать+причина' *dang-yeonhi* 'конечно же' *gundae* 'в армии' *itchi* 'быть' – 'Я не демобилизовался, конечно же я в армии'.

비가 많이 와서 댐이 무너졌다 (Информант, октябрь 2021) *Bi-ga* 'дождь' *manhi* 'много' *waseo* 'приходить+причина' *daem-i* 'дамба' *tuneojyeotta* 'рухнула' – 'Дамба рухнула из-за сильного дождя'.

Terhis 'демобилизация' *olmadığım için* 'САФ не стать + послелог причины' *askerdeyim* 'в армии'.

Şiddetli 'сильный' *yağmur* 'дождь' *yağdığı için* 'САФ идти дождь' + 'послелог причины' *baraj* 'дамба' *çöktü* 'рухнула'.

Модели со значением цели

그날 엄마는 나를 **데리러** 오지 않았다 [Сон, 2017, с. 11] *Geunal* 'тот день' *eomma-neun* 'мама' *na-reul* 'меня' *derireo* 'брать+цель' *oji* 'приходить' *anh-atta* 'отр.' – 'В тот день моя мама не пришла забрать меня'.

나는 친구를 **만나고자** 고향을 찾아 왔다 (Информант, октябрь 2021) *Na-neun* 'я' *chingu-reul* 'друга' *mannagoja* 'встречать+цель' *gohyang-eul* 'родину' *chaja watta* 'посещать' – 'Я поехал на родину, чтобы встретиться с другом'.

O gün 'тот день' *annem* 'моя мама' *beni* 'меня' *almaya* 'брать + отриц.ф.+ глагольное имя в дат. п. со значением «цель»' *gelmedi* (приходить в отрицательной форме).

Bir arkadaşım 'с другом' *buluşmak* 'встретиться' *için* 'чтобы послелог' *eve* 'на родину' *gittim* 'уезжать, я уехал'.

Модели со значением условия

내일 눈이 **오면** 그가 산에 안 갈 것이다 (Информант, октябрь 2021) *Naeil* 'завтра' *nun-i* 'снег' *omyeon* 'приходить+условие' *geuga* 'он' *san-e* 'в горы' *an* 'отр.' *gal geos-ida* 'идти' – 'Если завтра пойдёт снег, то он не пойдёт в горы'.

집에 **왔으면** 먼저 부모님께 인사를 올려야지 (Информант, октябрь 2021) *Jib-e* 'домой' *wass-eumyeon* 'приходить+условие' *meonjeo* 'сначала' *bumonimkke* 'родителям' *insa-reul* 'приветствие' *ullyeoyaji* 'звучать' – 'Если приходите домой, то в первую очередь нужно поприветствовать родителей'.

Yarın 'завтра' *kar* 'снег' *yağarsa* 'идти + условие', *dağlara* 'в горы' *gitmez* 'пойти в отрицательной форме'.

Eve 'домой' *gelirsenez* 'приходить + условие' *yapmanız* 'глагольное имя + принадлежность' *gereken* 'необходимое' *ilk* 'первая' *şey* 'вещь' *anne* (мать) *ve babanıza* 'ваш отец в дат. п.' *selam* 'приветствие' *vermehtir* 'дать'.

Модели со значением уступки

그 아이는 키가 더 **키도** 형만큼 되지 못할 듯하다 (Информант, октябрь 2021) *Geu* 'этот' *ai-neun* 'ребёнок' *kiga* 'рост' *deo* 'ещё' *keodo* 'расти+уступка' *hyeongmankeum* 'как старший брат' *doeji* 'стать' *mothal* 'не мочь' *deuthada* 'вероятно' – 'Даже если этот ребёнок вырастет ещё, то вряд ли он будет таким же высоким, как старший брат'.

내가 **죽을망정** 민수와 절대 결혼하지 않겠다 (Информант, октябрь 2021) *Nae-ga* 'я' *jug-eulmangjeong* 'умереть+уступка' *minsu-wa* 'с Минсу' *jeoldae* 'точно' *gyeorhonhaji* 'вступать в брак' *anhketta* 'отр.' – 'Я точно не выйду замуж за Минсу, даже если умру'.

В турецком языке модели со значением уступки образуются с помощью условного наклонения, как и примеры в разделе «Модели со значением условия».

Bu (этот) *çocuk* (ребёнок) *büyüye* (вырастать + если) *bile* (даже), *ağabeyi* (старший брат) *kadar* (как) *uzun* (длинный) *olması* (быть-глагольное имя «его бытие») *pek mümkün değil* (не очень возможно) – 'Даже если этот ребёнок вырастет ещё, то вряд ли он будет таким же высоким, как старший брат'.

Ölsem (умирать + условие) *bile* (даже) *Ahmed'le* (за Ахмеда, с Ахмедом) *kesinlikle* (совершенно точно) *evlenmem* (вступлю в брак + нет) – 'Я точно не выйду замуж за Ахмеда, даже если умру'.

Как уже говорилось, эти модели характеризуются нормальным порядком следования компонентов: второстепенный, зависимый компонент предшествует главному, независимому компоненту, то есть обстоятельство – своему уточняемому признаку, что мы и увидели в примерах выше.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. В целом синтаксические структуры агглютинативных корейского и турецкого языков демонстрируют типологическое сходство с некоторыми отличиями. Это означает, что терминологический аппарат тюркского синтаксиса, разработанный В. Г. Гузовым для турецкого языка, вполне применим для корейского языка и может быть использован для дальнейших исследований корейского языка как агглютинативного.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа выявлено, что, во-первых, в турецком и корейском языках имеет место одинаковый порядок следования компонентов атрибутивных конструкций: уточнение предшествует уточняемому, т. е. определение предшествует определяемому, дополнение – дополняемому; обстоятельство предшествует своему уточняемому.

Во-вторых, в корейском и турецком языках лексически выражаемый синтаксический субъект обычно предшествует лексически выражаемому синтаксическому предикату. Значит, синтаксический предикат, компонент предикативных конструкций (или сказуемое предложения) передаёт наиболее важную часть сообщаемой информации, а точнее говоря, то новое, что сообщается о субъекте. Однако в отличие от турецкого языка в корейском языке есть морфологические способы маркирования темы и ремы, которые помимо референциального значения обеспечивают связность текста (дискурса).

В-третьих, категория глагольных именных форм в корейском и турецком языках имеет довольно много различий, поэтому данный материал представляет перспективу для дальнейших исследований.

Библиографический список

- Бодуэн де Куртенэ, 2017 – Бодуэн де Куртенэ И. А. Общее языкознание. Избранные труды. М. : Изд-во Юрайт, 2017. 343 с. [1-е изд. 1963].
- Гаджиева, 1973 – Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М. : Наука, 1973. 408 с.
- Гузов, 2015 – Гузов В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. 320 с.
- Гузов, Аврутина, 2013 – Гузов В. Г., Аврутина А. С. Функциональный синтаксис современного турецкого языка : учеб. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 71 с.
- Дениз-Йылмаз, 2006 – Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб., 2006. 219 с.
- Кацнельсон, 1986 – Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л. : Наука, 1986. 297 с.
- ЛЭС, 2002 – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.
- Майзель, 1957 – Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 184 с.
- Мартине, 1960 – Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. 261 с.
- Мазур, 2001 – Мазур Ю. Н. Грамматика корейского языка (Морфология. Словообразование). Теоретический курс. М. : Муравей-Гайд, 2001. 330 с.
- Мельников, 1969 – Мельников Г. П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. М., 1969. № 6. С. 104–113.
- Мельников, 1974 – Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М. : Советское радио, 1974. 368 с.
- Мельников, 2000 – Мельников Г. П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной : курс лекций. М. : Изд-во РУДН, 2000. 96 с.

- Панфилов, 1963 – Панфилов В. З. Грамматика и логика: (грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения). М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 79 с.
- Пешковский, 1959 – Пешковский А. М. Избранные труды. М. : Учпедгиз, 1959. 250 с.
- Формальная логика, 1977 – Формальная логика / отв.ред.-сост. И. Я. Чупахин, И. Н. Бродский. Л., 1977. 357 с.
- Юхансон, 1987 – Юхансон Л. Определенность и актуальное членение в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 19 : Проблемы современной тюркологии / сост. А. Н. Барулин ; ред. А. Н. Кононов. М. : Прогресс, 1987. С. 398–425.
- Ягунова, 2007 – Ягунова Е. В. Коммуникативная и смысловая структуры текста и его восприятие // Вопросы языкознания. 2007. № 6. С. 32–49.
- Nesin, 2004 – Nesin A. Anıtı Dikilen Sinek. Yedinci Basım. İstanbul, 2004. 128 с.
- Öngören, 1983 – Öngören V. Masalın Aslı. Birinci Kitap. Aydınlıktan Karanlığa. İstanbul, 1983. 181 с.
- Сон, 2017 – 손원평, 아몬드. 창비, 2017 [Сон Вонпхён. Миндаль. Изд-во Чханби, 2017]. 233 с.
- Ан, 2009 – 안영희, 한국 수화언어의 특징과 수화 성경 번역의 실제. 성경원문연구소, 2009 [Ан Ёнхве, Особенности корейского жестового языка и практика перевода Библии на жестовый язык. Изд-во Ин-та исследования библейских текстов, 2009]. 22 с.
- Ким, 2017 – 김영하, 오직 두 사람. 문학동네, 2017 [Ким Ёнха, Только двое. Изд-во Мунхак Тонне, 2017]. 272 с.

References

- Baudouin de Courtenay, I. A. (2017). *Obshchee yazykoznanie. Izbrannye trudy* [General linguistics. Selected papers]. Moscow : Yurayt Press. [1st edn. 1963]. (In Russ.).
- Gadzhieva, N. Z. (1973). *Osnovnye puti razvitiya sintaksicheskoy struktury tyurkskikh yazykov* [Major ways of syntactic structure development in Turkic languages]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Guzev, V. G. (2015). *Teoreticheskaya grammatika turetskogo yazyka* [The theory of Turkish grammar]. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Guzev, V. G., Avrutina, A. S. (2013). *Funktsional'nyy sintaksis sovremennogo turetskogo yazyka* [Functional syntax of modern Turkish]: A coursebook. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Deniz-Yilmaz, O. (2006). *Kategoriya nominalizatsii deystviya v turetskom yazyke* [The category of nominalization of an action in Turkish]. St Petersburg. (In Russ.).
- Katsnel'son, S. D. (1986). *Obshchee i tipologicheskoe yazykoznanie* [General and comparative language studies]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Yartseva, V. N. (Ed.). (2002). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow : Bol'shaya ros. Entsikl. Press. (In Russ.).
- Mayzel', S. S. (1957). *Izafet v turetskom yazyke* [Ezafet in Turkish]. Moscow ; Leningrad : Academy of Sciences of the USSR Press. (In Russ.).
- Martinet, A. (1960). *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh* [The economy principle in languages]. Moscow : Inostrannaya literatura Press. (In Russ.).
- Mazur, Yu. H. (2001). *Grammatika koreyskogo yazyka (Morfologiya. Slovoobrazovanie). Teoreticheskiy kurs* [Korean grammar (Morphology. Word-building): Theoretical course]. Moscow : Muravey-Gayd Press. (In Russ.).
- Mel'nikov, G. P. (1969). *Sintaksicheskii stroy tyurkskikh yazykov s pozitsiy sistemnoy lingvistiki* [The syntax of Turkic languages: Systemic approach]. Narody Azii i Afriki [The peoples of Asia and Africa] (Vol. 6, pp. 104–113). Moscow. (In Russ.).
- Mel'nikov, G. P. (1974). *Sistemologiya i yazykovye aspekty kibernetiki* [Systemology and language aspects of cybernetics]. Moscow : Sovetskoe radio Press. (In Russ.).
- Mel'nikov, G. P. (2000). *Sistemnaya tipologiya yazykov: sintez morfologicheskoy klassifikatsii yazykov so stadial'noy* [System typology of languages: Synthesizing morphological classification and stadial approach] : A lecture course. Moscow : RUDN Press. (In Russ.).

- Panfilov, V. Z. (1963). *Grammatika i logika* (grammaticheskoe i logiko-grammaticheskoe chlenenie prostogo predlozheniya) [Grammar and logic (Grammatical and logic-grammatical segmentation of a simple sentence)]. Moscow : Academy of Sciences of the USSR Press. (In Russ.).
- Peshkovskiy, A. M. (1959). *Izbrannye trudy* [Selected papers]. Moscow : Uchpedgiz Press.
- Chupakhin, I. Ya., Brodskiy, I. N. (Eds). (1977). *Formal'naya logika* [Formal logics]. Leningrad. (In Russ.).
- Johansson, L. (1987). *Opredelennost' i aktual'noe chlenenie v turetskom yazyke* [Definiteness and actual articulation in Turkish]. In A. N. Barulin (compiler), A. N. Kononov (Ed.), *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 19 : Problemy sovremennoy tyurkologii [Problems of modern Turkology] (pp. 398–425). Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Yagunova, E. V. (2007). Kommunikativnaya i smyslovaya struktury teksta i ego vospriyatie [Communicative and semantic structure of the text and its apperception]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 6, 32–49. (In Russ.).
- Nesin, A. (2004). *Anıtı Dikilen Sinek*. Yedinci Basım. İstanbul. (In Turkish).
- Öngören, V. (1983). *Masalı Aşlı. Birinci Kitap. Aydınlıktan Karanlığa*. İstanbul. (In Turkish).
- Sohn, W.-P. (2017). *Amondeu* [Almond]. Changbi Press. (In Korean).
- Ahn, Y.-H. (2009). *Hangung suhwaewoneoui teukjinggwa suhwa seonggyeong beonyeogui silje* [Feature of Korean Sign Language and Practice of the Sign Language Bible Translation]. Seonggyeong wonmun yeonguso [The Institute for Biblical Text Research]. (In Korean).
- Kim, Y.-h. (2017). *Ojik du saram* [Only Two Person]. Munhakdongne Press. (In Korean).

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.